

УДК 330.3

*П.М. Лукичёв***ПОЗИЦИЯ РОССИИ В НОВОМ МЕЖДУНАРОДНОМ РАЗДЕЛЕНИИ ТРУДА**

Пандемия COVID-19 и последовавший после нее геополитический кризис создали новую экономическую реальность. Данная статья посвящена рассмотрению проблем становления нового международного разделения труда и возможностей успешного развития российского народного хозяйства в нем. Разграничение при анализе на краткосрочный период и долгосрочный период необходимо для изучения последовательности шагов становления нового международного разделения труда. Автор выделяет шесть форм проявления нового международного разделения труда. Кризис «цепочек поставок» показал, что порядок снабжения в международной торговле, основанный на системе «точно в срок», не выдержал внешнего шока, породив дефицит и инфляцию. Деформация рынков труда проявляется в COVID-мотивированной автоматизации, в «миграционной ловушке», в усилении поляризации занятости. Страны «золотого миллиарда», потерпев поражение в конкуренции на глобальном рынке, стремятся к политическому решению экономических проблем. ЕС пытается разыграть партию европейской супермонополии и супермонополии. Возможность политического решения проблем глобальной экономической конкуренции базируется на том, что изменения в реальной экономике, происходящие в последние десятилетия, неадекватно меняют международную финансовую сферу. Независимо от складывающейся сейчас геополитической ситуации, в долгосрочном периоде расширение применения новых технологий и искусственного интеллекта создает основу для международного разделения труда следующего уровня. Для сохранения и потенциального улучшения своего места в международном разделении труда РФ необходим последовательный переход от «инерционного» к «инновационному» пути развития.

Ключевые слова: международное разделение труда, пандемия COVID-19, кризис цепочек поставок, рынок труда, экономика искусственного интеллекта, человеческий потенциал, монополия, С. Ю. Витте.

DOI: 10.35634/2412-9593-2022-32-5-817-828

Постановка проблемы

Важнейшее экономическое последствие коронавирусного кризиса – это модификация мирового разделения труда. Существовавшее до пандемии разделение труда имело определенную интенсивность обмена товарами, определенную интенсивность обмена инновационными идеями, определенную интенсивность обмена услугами, определенную интенсивность обмена технологиями. Сейчас удельный вес каждого из этих видов глобального обмена не только меняется в абсолютном выражении, но и относительно друг друга. Так, по расчетам Кошиа и др., постоянное прекращение международных деловых поездок сократит глобальный валовой продукт на поразительные 17 % из-за затруднения потоков знаний через границы [1]. Бракман и др. отмечают, что международный бизнес должен расширить свою исследовательскую программу для изучения международного разделения труда. Мировой ответ на пандемию COVID-19 ускоряет переход к деглобализации капитала, но это также ускорит переход к более сильной глобализации труда [2].

За более чем два года существования пандемии COVID-19 возникла новая реальность бизнеса. Ее составные элементы: запреты и ограничения (постоянные или временные) на ведение бизнеса, связанного с обслуживанием конечных потребителей; рост заболеваемости работников вызвал закрытие многих предприятий и кризис «цепочек поставок» (или, как минимум, удлинение сроков поставок товаров); изменение потребительского поведения в результате необходимости социального дистанцирования; резкое сокращение трудовой миграции; расширение цифровизации бизнес-процессов. Политизация глобальной торговли и разделения бизнес-процессов между странами, последовавшие в конце пандемии, только усугубили интенсивность этих проблем.

В данной статье будут пунктирно намечены основные тенденции формирования нового международного разделения труда после окончания коронавирусного кризиса. Причинами возникновения нового международного разделения труда (НМРТ) послужила, конечно, не только пандемия COVID-19. Они постепенно накапливались десятилетиями, а коронавирусный кризис выступил только в качестве катализатора.

Автор выделяет следующие формы проявления нового международного разделения труда:

1. Кризис цепочек поставок.
 2. Деформация национальных рынков труда.
 3. Политизация нового международного разделения труда.
 4. Экономическая теория значительно отстает от реальных бизнес-процессов.
 5. Влияние климатических изменений на НМРТ.
 6. Несветлое технологическое будущее и переход от Free Trade к Fair Trade.
- Первые три формы будут проанализированы в данной статье.

Кризис цепочек поставок

Кризис существующего международного разделения труда проявился в том, что после окончания пандемии глобальная торговля не стала расширяться, а столкнулась с комплексом проблем своего развития. На поверхности экономики это выразилось в кризисе цепочек поставок и связанном с ним дефицитом товаров и ростом инфляции в развитых странах. Генезис кризиса цепочек поставок относится к первой половине 2020 г. и продолжается уже более двух лет без перспектив скорого окончания. Начал кризису было положено рядом системных ошибок в порядке глобальной торговли.

Кент и Хараламбидес видят его хрестоматийным случаем кейнсианского избыточного спроса по отношению к совокупному предложению: «Сбои, которые мы наблюдаем сегодня в виде заторов, перегруженности портов, нехватки товаров, оборудования и рабочей силы и, прежде всего, глобальной инфляции и стремительного роста фрахтовых ставок, являются лишь хрестоматийным случаем кейнсианского избыточного спроса по отношению к совокупному предложению, которое снижалось более года» [3].

Он разрушил или значительно замедлил многие существующие годами экономические связи, создал неудовлетворенный спрос и экономику дефицита. Порядок поставок товаров в международной торговле до коронавирусного кризиса был основан на системе «точно в срок» (Just-in-time).

В чем причины возникновения кризиса «цепочек поставок»? На наш взгляд, тут соединился целый комплекс ошибок, связанных с «человеческим фактором». Во-первых, убеждение предпринимателей, что с началом коронавирусного кризиса потребительский спрос резко упадет и недоучет возможностей государственной поддержки доходов населения развитых стран. Во-вторых, вытекающий из первой ошибки вывод предпринимателей о необходимости уменьшения производства и недоучет изменения структуры потребительского спроса из-за локдаунов и ограничений на посещение общественных мест. Люди стали покупать преимущественно другие товары и стали покупать их в другой форме, интенсивно переходя к электронной торговле. В-третьих, существующая система «цепочек поставок» была основана на методе управления запасами «Точно в срок» («Just-In-Time», JIT), которая в условиях внешнего шока показала свою неэффективность. Как отмечал Шеффи: «Вся система транспортировки и распределения не была построена для увеличения пропускной способности с темпами роста потока, а нехватка рабочей силы усугубляла проблему» [4].

В целом, здесь в равной мере можно говорить о просчетах «человеческого фактора»; избыточной государственной поддержке фирм и населения развитых стран в период коронавирусного кризиса, снизившей их адаптационные возможности; неприемлемости существовавших форм организации бизнес-процессов шокным условиям; отсутствии плана «Б» у большинства фирм развитых стран для отражения внешних шоков в виде пандемии COVID-19.

В частности, если характеризовать вторую причину, то меры государственной поддержки и введение многочисленных длительных ограничений государствами развитых стран на ведение бизнеса спровоцировали изменение структуры спроса населения развитых стран, что повлияло и на возникновение кризиса цепочек поставок.

Снижение совокупного предложения происходило, по мнению автора, не равномерно, а «волнообразно». После шока первой волны пандемии COVID-19, вызвавшей падение производства в странах ЕС, Северной Америки и в других странах, производство начинало увеличиваться в периоды снятия (ослабления) ковидных ограничений и, соответственно, снижаться в периоды локдаунов. Данные подъемы и снижения деловой активности происходили неравномерно по отраслям и странам, отражаясь как в изменении структуры спроса, так и в изменении структуры предложения. В большинстве стран «золотого миллиарда», прежде всего, США и Великобритании, возник дефицит товаров. В целом, после двух лет коронавирусного кризиса стали отчетливо ясны несовершенства механизма действия «спроса – предложения».

Разрыв «цепочек поставок» в России имел гораздо меньшие последствия, чем в США, в Англии и в странах ЕС. Ни на одном из этапов коронавирусного кризиса он не приводил к дефициту и к пустым полкам магазинов, как это имело место в Северной Америке и в Великобритании. Во многом благодаря усилиям российских предпринимателей и менеджеров. Для российских фирм в первую волну пандемии кризис цепочек поставок был в основном импортирован. Многие компании в России столкнулись с извещениями европейских поставщиков, которые уведомляли, что «из-за нескольких случаев заражения COVID-19 на нашем производстве нам пришлось закрыть производственные площадки на несколько недель <...>, нам хотелось бы искренне извиниться перед Вами<...>, мы планируем возобновить регулярные поставки...». В результате произошло удлинение сроков бизнес-процессов и рост цен на российском рынке. Как следствие, некоторые фирмы РФ уже тогда стали по возможности готовиться к переходу на отечественные комплектующие.

Разрыв «цепочек поставок» показал также, что национальные интересы явно ставятся выше глобальных. Например, в начале пандемии Франция прекратила отгрузку зерна в Алжир, вызвав там серьезные продовольственные проблемы, а также поставки вакцин от COVID-19 для развивающихся стран.

Кризис цепочек поставок обусловил постепенную адаптационную политику фирм. Быстрота ее создания была принципиально разной: у одних компаний, как например у Tesla, она была практически мгновенной, другие – до сих пор надеются на государственную поддержку. В Tesla сразу приняли концепцию интернализации всех аспектов производства. В частности, стали разрабатывать свои собственные полупроводники, наладили более тесные связи, чем другие автопроизводители, с теми, кто их сейчас производит; заключили сделки с производителями лития и поставщиками графита, подтвердили сделку с Vale (бразильским горнодобывающим гигантом) на покупку никеля; отказались от дилерской модели продаж, вместо этого открыв собственные шикарные магазины Tesla.

Другие компании действовали менее последовательно и более фрагментарно. Их усилия были сконцентрированы по трем направлениям:

1. Огромное наращивание предупредительных запасов: для крупнейших 3000 фирм во всем мире они выросли с 6 % до 9 % мирового ВВП с 2016 г.¹ Многие фирмы принимают двойные источники поставок одних и тех же материалов и долгосрочные контракты.

2. Усиление борьбы за сотрудников (этот аспект будет подробно раскрыт во втором разделе).

3. Перемещение ПИИ и в целом бизнеса из КНР во Вьетнам и другие азиатские страны. Все эти меры способствуют удорожанию продукции, стремлению перевести производство в развитые страны и, в целом, ослабляет международное разделение труда. В краткосрочном периоде это означает усиление протекционизма, большее государственное вмешательство в экономику в ущерб развитию бизнеса, рост инфляции.

Деформация национальных рынков труда

Деформация глобального рынка труда проявилась в действии новой причинно-следственной цепочки. Уменьшение объема трудовой миграции → необходимость снижения использования трудоемких технологий производства → или рост применения цифровизации бизнес-процессов → или привлечение вновь трудовых мигрантов. Кругооборот глобальной трудовой миграции временно, примерно на два года, замедлил свой ход, вызывая изменения бизнес-процессов в краткосрочном периоде, а в некоторых случаях – в долгосрочном периоде. Наиболее явным из них был рост цифровизации. Возросло число лиц, чей труд организован электронными платформами (Uber и др.). Цифровые компании сами определяют, что можно, а что нельзя делать в Интернете, блокируя иногда действия правительств. Усилилась роль электронной торговли. Данные изменения происходили неравномерно по странам, но в целом для глобального рынка труда можно выделить следующие моменты.

«Новый» тренд на автоматизацию и роботизацию производства, расширение возможностей применения цифровой экономики и искусственного интеллекта из-за дефицита дешевой рабочей силы мигрантов; возникновение «ловушки миграции», «новая» мода на удаленную работу («теле присутствие» по Минделл [5]); усиление поляризации занятости, что связано с «размыванием» рабочих мест средней квалификации; углубление государственного регулирования экономики; изменение ценности жизни в городах. Наиболее позитивной из выделенных тенденций стало внимание предпринимателей к техническому прогрессу, которое можно назвать covid-мотивированной автоматизацией. Оно возросло

¹ Rethinking Globalization. The Economist. 2022. 16 June.

на основе страхов высокой безработицы и закрытия границ для работников мигрантов. Covid-мотивированная автоматизация протекала волнами, усиливаясь в периоды локдаунов и введения государственных запретов на перемещения граждан и резко снижаясь в периоды ослабления пандемии. Именно поэтому «новый» тренд на роботизацию производства, использование искусственного интеллекта, действует в краткосрочном периоде и пока не стал преобладающим в долгосрочном периоде. Такому развитию событий препятствует сохранение неопределенности на мировых рынках. Оно может привести к падению производства и потребительского спроса. В этих условиях срок окупаемости инвестиций в роботизацию и цифровизацию производства неизбежно удлинится. При этом, скорее всего, дороги назад – к прежней организации бизнес-процессов – уже не будет: инвестиции необходимо возмещать. Следовательно, цифровизация бизнес-процессов открывает новые возможности роста, а снижение миграции трудовых ресурсов выступает ограничивающим фактором роста [6].

«Миграционная ловушка» проявляется в том, что из-за закрытия границ, локдаунов, ограничений на перемещение численность трудовых мигрантов, приезжающих в РФ и в развитые страны, резко сократилась. Коренное население не хочет трудиться за такие зарплаты. Коронавирусный кризис усилил демографический дисбаланс человечества: Россия и развитые страны быстро стареют и создают мало новых работников, а развивающиеся страны сталкиваются с избытком молодых людей, у которых часто нет работы. Миграционная ловушка состоит в том, что труд выбывших мигрантов не замещается трудом местных работников. Данные показывают: снижение общего притока мигрантов за 2020 г. по сравнению с 2019 г. на 49,78 %, сокращение оформлений разрешений на работу иностранным гражданам на 50,59 % [7]. Предприниматели обычно платят трудовым мигрантам заработную плату на 20–50 % ниже, чем россиянам. В сравнении с доходами, получаемыми в Киргизии или в Таджикистане, такая оплата труда выглядит достойной. Поэтому многие рабочие места, требующие тяжелого физического труда, непрестижные для граждан России, были заняты мигрантами. В период пандемии, столкнувшись в строительстве, сельском хозяйстве и в других отраслях с нехваткой рабочих рук, предприниматели готовы повысить оплату труда, но максимум на 15–20 %. Такое повышение не способно привлечь достаточное число российских работников для замещения труда мигрантов. Кроме того, интенсивно происходит изменение отраслевой структуры занятости трудовой миграции в России: многие трудовые мигранты сейчас уходят, например, из строительной сферы в сферу доставки, где легче условия труда и зарплата выплачивается каждый день. Снижение притока мигрантов ослабляет давление на российский рынок труда и уменьшает объем производимых товаров и услуг, прежде всего, трудоемких. «Миграционная ловушка» проявляется не только в России, но и в США, в Британии, в странах ЕС, резко снижая возможности развития глобальной экономики как в принимающих странах, так и в странах, откуда выезжают трудовые мигранты.

Трудовая миграция была частью стратегии обеспечения средств к существованию для стран, откуда выезжали работники, и диверсификации рисков производства для принимающих государств. Сопоставления миграционных потоков показывают, что масштабы внутренней миграции примерно в два с половиной раза превышают масштабы международной миграции [8]. Это особенно важно для крупных по территории стран, таких как США и Российская Федерация. И Россия, и Япония, и США, и страны ЕС столкнулись с тем, что возможности внутренней трудовой миграции, особенно в связи со старением рабочей силы, исчерпаны. Проанализируем это положение на примере США. На каждые десять открытых в декабре 2021 г. вакансий приходилось всего шесть рабочих. Резервы в виде женщин исчерпаны, а доля мужчин в возрасте от 25 до 54 лет, работающих или ищущих работу, составляла 88 % в конце 2021 г. по сравнению с 97 % в 1950-х гг. В марте 2022 г. на каждого безработного было открыто почти две вакансии, это самый высокий показатель с 1950 г., когда впервые были собраны данные². Иммиграция снизилась в США до менее чем четверти уровня 2016 г. Другие развитые страны, выходя из пандемийных ограничений, начали буквально «охоту» на молодых и на квалифицированных работников из других стран, предлагая снижение барьеров для въезда квалифицированных иммигрантов, оцифровку виз для сокращения бумажной работы, повышение требований к заработной плате для уменьшения эксплуатации и подавления заработной платы, обещание пути к постоянному статусу для наиболее востребованных работников. Кроме того, более 30 стран разработали программы для привлечения работников мобильных технологий. В этих условиях даже для сохранения статус-кво на российском рынке труда требуются серьезные меры поддержки со стороны государства. В качестве образца отметим программу КНР «Тысяча талантов».

² America's next recession. The Economist. 2022. June 3.

Характеризуя в целом внешнюю миграцию, отметим два момента. Рабочие-мигранты играют ключевую роль в глобальном производстве продуктов питания и в цепочках поставок, выполняя более 25 % всей работы [9]. Это сильно повлияло не только на кризис цепочек поставок, о чем было написано ранее, но и на углубление неравенства между странами в обеспечении продовольствием. 40 % международных денежных переводов отправляется в сельские районы [10]. В результате «бедные» страны, сильно зависящие от импорта продовольствия и от получения денежных переводов, значительно пострадали от недоедания и голода из-за коронавирусного кризиса.

Первой волне пандемии сопутствовало идиллическое отношение к распространению удаленной занятости сотрудников. «Телеприсутствие» означало для работников возможность трудиться в другой стране, а жить в своей, и наоборот – жить за границей и работать в своей стране. Пока эта возможность есть для занятых в цифровой экономике, но из-за «телеприсутствия» это будет, наверно, доступно и для многих других видов деятельности. В свою очередь, для работодателей это давало новые возможности поиска персонала, прежде всего высококвалифицированного, за пределами своего города, региона, страны. В краткосрочном периоде считалось, что это позволит проявить себя большему числу претендентов, чем раньше, усилит конкуренцию и даст новый толчок развитию производства. Сейчас стало ясно, что это не совсем так.

В качестве более отдаленных последствий удаленной работы следует выделить «концентрацию занятости» в крупных компаниях в краткосрочном периоде, а, возможно, и в долгосрочном периоде ввиду сохранения «неопределенности» для малого и среднего бизнеса. Многие малые и средние предприятия (МСП) сейчас закрываются без возможностей возобновить свою деятельность в ближайшем будущем. Это неизбежно приведет к замене одних МСП другими, новыми, что неизбежно изменит предложение товаров и услуг, приспособивая его к изменившемуся спросу населения и других фирм. Кроме того, следует учесть отличающиеся цели развития у российских и западноевропейских МСП. Если для российского малого и среднего бизнеса остается традиционная цель экономического роста, то для западноевропейских МСП, как отмечают Галиндо-Мартин и др., она заменяется целью устойчивого развития, предполагающую включение экологических аспектов развития бизнеса [11].

Концентрация рабочих мест в крупных компаниях, в свою очередь, усилит поляризацию занятости работников, что связано с «размыванием» рабочих мест средней квалификации: относительно небольшого числа специалистов высшей квалификации будет требоваться больше, а работников низкой квалификации – меньше. Соответственно, потери доходов для последних были существенными, а для первых – нет. Долгосрочным последствием данной тенденции будет усиление неравенства доходов как между странами, так и внутри отдельных государств. В зависимости от выбора, который делают разные страны относительно уровня терпимого экономического неравенства, уровни неравенства социального, экономического, культурного и экологического будут существенно отличаться. Это неравенство проявляется, в частности, в числе дней, которые провели вне работы (вне учебы) жители страны.

Отсутствие обучения в университетах и школах или снижение времени на него, произошедшие в большинстве стран мира, крайне отрицательно скажутся в долгосрочном периоде на их экономическом прогрессе. У студентов существенно замедлилось формирование умений и навыков по их будущим специальностям. Это означает увеличение нагрузки фирм при приеме на работу таких выпускников. Именно поэтому Мировой банк заявил, что пандемия препятствует накоплению человеческого капитала студентами, которые в настоящее время учатся в высших учебных заведениях [12].

В связи с этим в краткосрочном периоде наметился небывалый раньше тренд. Многие компании, в том числе и самые технологически продвинутые, готовы ослабить критерии найма, которые раньше считались обязательными, и принимать на работу сотрудников без диплома и без опыта. Google, технологический гигант, заявляет, что будет считать работников, получивших его онлайн-сертификат в области анализа данных, например, эквивалентным работнику с четырехлетним дипломом. По данным аналитической компании Burning Glass, доля объявлений о вакансиях с указанием «опыт не требуется» увеличилась более чем вдвое с января 2020 г. по сентябрь 2021 г. В то же время растет число фирм, предлагающих собственное обучение. Так, доля объявлений о вакансиях, предлагающих обучение, была в сентябре 2021 г. более чем на 30 % выше, чем в январе 2020 г.³

³ Talent wars. The Economist. 2022. February 5th. P. 55–56.

К этому стоит добавить, что в состязании за привлечение новых работников и сохранение своих сотрудников фирмы развитых стран стремятся стать более привлекательными, для чего помимо повышения зарплаты работодатели предлагали более гибкие условия работы. Германия, которая до пандемии отставала от развитых стран и Российской Федерации, сейчас стала одним из лидеров. Bosch, инженерный конгломерат, позволяет работникам выбирать одну из 100 моделей рабочего времени. Он расширил разделение работы, когда два человека распределяют обязанности так, чтобы каждый мог работать неполный рабочий день, на руководящие должности. Allianz поощряет сотрудников посвящать час рабочего времени в неделю прохождению одного из более чем 10 тыс. курсов: от графического дизайна до больших данных. Siemens тратит 175 млн евро в год на обучение и переподготовку своих работников в Германии (плюс почти столько же на свои зарубежные операции). Вдобавок ко всему в настоящее время он предлагает 3 700 мест для домашнего обучения, что значительно больше, чем несколько лет назад⁴.

Работодатели в решении проблемы качества образования делают также акцент на переподготовке своих сотрудников. По данным Отчета Всемирного Экономического Форума The Future of Jobs Report 2020 в среднем, по оценкам компаний, около 40 % работников потребуют переподготовки в течение шести месяцев или меньше, а 94 % руководителей предприятий сообщают, что ожидают, что сотрудники приобретут новые навыки на работе, что значительно выше, чем у 65 % в 2018 г.⁵

В этих условиях, обращаясь к российскому рынку труда, стоит вспомнить высказывание из «Алисы в Зазеркалье»: «Ну, а здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте! Если же хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать по меньшей мере вдвое быстрее!»⁶. Российской Федерации для сохранения своего места в международном разделении труда, и тем более для его улучшения, необходимо совершенствовать подготовку кадров. Система образования, и прежде всего высшего, нуждается в качественной и количественной перестройке.

Проанализируем следующие факты. В Южной Корее 70 % учащихся, окончивших средние школы в стране, теперь идут прямо в университет, и аналогичная доля граждан страны в возрасте от 25 до 34 лет в 37 раз больше, чем в 2000 г. Это кажется уникальным случаем современности. Но в других странах также наблюдается значительный рост доли молодежи выпускников вузов. В странах ОЭСР 43 % 25–34-летних теперь имеют ученые степени бакалавра и магистра. В Америке этот показатель составляет 48 %⁷. Если к этому добавить, что в развитых странах треть, поступивших в университеты, никогда не заканчивают учебу⁸, то станет ясен размах проблемы. По нашему мнению, последний показатель должен использоваться как ориентир для развития каждого российского университета. Показатели же процента лиц со степенью бакалавра и магистра в развитых странах должны использоваться как точка сравнения для национальной системы образования России, для выделения государственных средств на развитие системы образования. Напомним, что из всего населения страны в возрасте 17–18 лет (2 784,1 тыс. чел.) только около 18 % поступило в вузы [13].

Таким образом, основные трансформации рынка труда после COVID-19 и политизации экономических отношений связаны с усилением процессов автоматизации и роботизации производства, расширением использования цифровизации в экономике; резким увеличением числа удаленных рабочих мест, концентрацией занятости на крупных предприятиях. В связи с этим необходима разработка и применение новых форм организации труда, наилучшим образом сочетающие обычную и удаленную работу. Для этого, в частности, необходимо «переучивать» сегодняшних студентов, готовя их к работе и взаимодействию с телеприсутствием. Это сработает в долгосрочном периоде.

Дальнейшее развитие рынка труда после COVID-19 во многом определяется макроэкономической политикой. Сейчас стало понятно, что экономические последствия коронавирусного кризиса не замыкаются в краткосрочном периоде, а окажут долгосрочное влияние на мировую экономику. Даже тот факт, сколько дней национальная (региональная) экономика провела на локдауне, является средством измерения национальной конкурентоспособности. Адаптация национальной экономики к последствиям COVID-19 и меры национальной макроэкономической политики, в связи с этим могут представлять конкурентное преимущество страны.

⁴ Depopulation pressure. The Economist. 2022. February 5th. P. 57.

⁵ The Future of Jobs Report 2020. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2020/digest>

⁶ Кэрролл Л. Алиса в Зазеркалье. М.: Издательство Махаон. 2020. 192 с.

⁷ All must have degrees. The Economist. 2018. 3rd February. P. 51.

⁸ Time to end the academic arms race. The Economist. 2018. February 3rd. P. 14.

Политизация нового международного разделения труда

Международное разделение труда никогда не было чисто экономическим. Политизация решения глобальных экономических проблем всегда имела место, но пандемия значительно ее интенсифицировала. В краткосрочном периоде это отразилось в том, что развитые страны и, прежде всего, США начали вводить ограничения на экспорт вакцин, продовольствия, масок, медицинских товаров и снимали их лишь постепенно, вызвав колоссальное неравенство в обеспечении населения развитых стран и развивающихся государств в борьбе с коронавирусом кризисом. Введение локдаунов и ограничений на перемещение рабочей силы между странами вызвало деформацию глобального рынка труда.

До пандемии давление политики было наиболее сильным на глобальных продовольственных рынках. Спрос и предложение, в частности, зерна в значительной мере диктуется политическими силами или локализацией продовольственных цепочек. Последнее особенно характерно для Франции: преобладание поставок в Алжир и страны Европейского Союза, и Австралии: преобладание поставок в страны АТР. Россия, лидируя сейчас среди мировых стран экспортеров пшеницы, пока не имеет постоянных устойчивых рынков сбыта. В сезоне 2019-2020 гг. покупателями были Турция – 7,6 млн т, Египет – 5,9; Иран – 4,5; Бангладеш – 2,2.

Насколько устойчивым было международное разделение труда, существовавшее до коронавирусного кризиса? Перез-Санчес с коллегами провели анализ роли Соединенных Штатов, Европейского Союза и Китая в международном разделении труда с использованием концепции многомасштабного комплексного анализа социального и экосистемного метаболизма (MuSIASEM), который показал, что на глобальном уровне торговля овеществленным трудом – это игра с нулевой суммой. Этот факт ставит под сомнение долгосрочную жизнеспособность нынешней модели развития, которой пользуются ЕС и США, а также возможность для развивающихся экономик завершить аналогичный переход к постиндустриальной экономике [14].

Для описания тенденций развития глобальной экономики последних десятилетий Родрик вводит термин «преждевременная деиндустриализация». Он выделяет неравенство в прохождении этапа индустриализации современными развивающимися странами и ныне развитыми странами, которые прошли его значительно раньше. Государства, проходящие сейчас период индустриализации, как, например, страны Латинской Америки и Африки, быстрее исчерпывают возможности индустриализации и имеют гораздо более низкий уровень доходов по сравнению с опытом ранних индустриализаторов. Причинами этого стали как глобализация, так и трудосберегающий технологический прогресс в обрабатывающей промышленности [15]. По сути, это блокирует для стран с низкими доходами традиционный путь экономической конвергенции, когда сельское население, приходящее в города, начинает работать в промышленности. Следовательно, необходимо создание новых моделей экономического роста.

Политизация формирования нового международного разделения труда усиливается в последние годы. По мере того как растет экономическая мощь стран BRICS, сопротивление прогрессу мировой экономики усиливается со стороны прежних «победителей». Прежде всего, государств ЕС. Лидеры мировой экономики XXI в.: США и КНР уходят «в отрыв», в то время как страны Европейского союза все больше отстают от них в экономическом и технологическом отношении. Из 19 стартапов, созданных за последние 25 лет и оцениваемых свыше 100 млрд долл., сейчас девять принадлежат США, восемь – КНР, и ни один – странам ЕС. США и КНР имеют 76 из 100 самых высоко оцениваемых компаний мира. У Евросоюза, напротив, число самых ценных компаний первой сотни упало с сорока одной в 2000 г. до 15 сегодня⁹. В пандемию в связи с локдаунами и запретами, вводимыми правительствами многих стран на посещение публичных мест, резко увеличилось значение электронной торговли. Среди 13 ведущих компаний электронной коммерции на потребительском рынке 10 представляют КНР и США. Среди компаний, увеличивших абсолютный размер GMV (Gross Merchandise Value или валовая стоимость товара), выделяются Alibaba (с 954 млрд долл. в 2019 г. до 1145 млрд долл. в 2020 г.) и Amazon (с 417 млрд долл. до 575 млрд долл.)¹⁰.

⁹ The new geopolitics of global business. The Economist. 2021. June 5th. P. 11.

¹⁰ Global E-Commerce Jumps to \$26.7 Trillion, Covid-19 Boosts Online Retail Sales. URL: <https://unctad.org/press-material/global-e-commerce-jumps-267-trillion-covid-19-boosts-online-retail-sales>

Евросоюз, который при создании видели третьим экономическим центром мира, постепенно теряет свой научно-технический потенциал. Возможно, это связано также с преимущественно бюрократическими методами принятия экономических решений чиновниками из Брюсселя. Потерпев экономическое поражение на глобальном рынке, Евросоюз переходит, образно говоря, «в контратаку», разыгрывая партию европейской супермонополии и супермонополии. ЕС продолжает иметь несправедливые преимущества для своего сельского хозяйства в виде сохраняющихся дотаций (на CAP тратится треть бюджета ЕС), чем наносит большой ущерб экономикам развивающихся стран. Для своих соседей, прежде всего, России, Евросоюз стремится заменить свободную конкуренцию, часто действуя как монополия или монополия. В данный момент это проблемы с запуском в эксплуатацию трубопровода «Северный поток – 2», которая переведена из чисто экономической плоскости в политическую, запреты и санкции против РФ. В ближайшей перспективе – это «зеленые ограничения» на импортируемую продукцию. В настоящее время конкуренцию, которая по А. Шумпетеру [16], представляет собой «созидательное разрушение», позволяющее вытеснить с рынка устаревающие технологии, товары и услуги, заменяя их более прогрессивными и более новыми, развитые страны в целом и ЕС в частности пытаются поставить в выгодные им рамки за счет других стран.

В отличие от США, европейские страны не испытали быстрого роста производительности в период 1995–2005 гг., но они испытали посткризисный спад. В период с 2010 по 2019 гг. годовой рост производительности упал ниже одного процента во Франции, Германии и Великобритании [17, с. 109].

Возможность политического решения проблем глобальной экономической конкуренции основана на господстве американского доллара как мировой валюты. Происходящие в последние десятилетия изменения в реальной экономике неадекватно меняют международную финансовую сферу. Снижение господства доллара как мировой валюты происходит крайне медленно. По данным МВФ, в 2021 г. на его долю приходилось 60 % мировых резервов по сравнению с 70 % в 2000 г.¹¹ Даже понизившаяся сейчас доля американского доллара почти в четыре раза больше размера американской экономики в мире. Доля США в глобальном ВВП, измеренная по паритету покупательной способности составляла в 2021 г. 15,74 %, в 2018 г. – 15,87 % и в 2020 г. – 15,77 % мирового Валового внутреннего продукта¹². Именно это несоответствие служит для США основой политизации решения проблем глобальной торговли и международного разделения труда. Доминирование доллара в мировой торговле подрывает преимущества, которые должны предлагать гибкие обменные курсы. Исследование Боз и др. показало, что с учетом делового цикла повышение стоимости доллара на 1 % приводит к снижению объема торговли между странами остального мира на 0,6 % [18].

Сохранение господства доллара как основной мировой валюты порождает проблемы для экономик других стран и ограничивает возможности их экономического роста. Повышение в 2022 г. процентной ставки ФРС до 1,75 % с 0,25 %, которые она составляла с марта 2020 г. по январь 2022 г. больно ударит по развивающимся странам и странам BRICS, поскольку инвесторы будут покупать доллары, выводя средства из экономик этих стран, что окажет понижающее давление на их валюты. Чтобы избежать «импортированной» инфляции, Центральные банки Мексики, России, Бразилии несколько раз за последний год поднимали свои процентные ставки, сужая тем самым возможности развития национального бизнеса.

Дрезнер в статье с характерным названием «Соединенные Штаты Санкций» (The United States of Sanctions) отмечает, что бесчисленные тарифы и другие ограничительные меры, введенные администрацией Трампа в отношении Китая в 2018 г., не привели к каким-либо существенным уступкам. Торговая война, начатая с целью преобразования китайской экономики от государственного капитализма к более благоприятной для рынка модели, привела к чему-то гораздо менее захватывающему: к соглашению о количественных закупках сельскохозяйственной продукции США, которое Китай не выполнил. Во всяком случае, санкции привели к обратному результату, нанеся ущерб сельскохозяйственному и высокотехнологичному секторам США [19, р. 147–148]. Страна, накладывающая свои экономические санкции на другую страну, чем-то уподобляется в своих собственных глазах Богу (могущественному и беспристрастному), хотя на самом деле речь идет о продолжении экономической конкуренции иными методами. Сейчас санкции, вводимые США против сильных экономик, та-

¹¹ When central banks face sanctions. The Economist. 2022. Apr 20th. P. 47.

¹² United States' share of global gross domestic product (GDP) adjusted for purchasing power parity (PPP) from 2017 to 2027. URL: <https://www.statista.com/statistics/270267/united-states-share-of-global-gross-domestic-product-gdp/#statisticContainer> (дата обращения: 14.09.2022).

ких как РФ и КНР, не только не приводят к поставленным целям, но и болезненно отражаются на американском бизнесе как с точки зрения полученной прибыли, так и с точки зрения потенциальных возможностей (упущенной выгоды). По данным Moody's Investors Service, только 8 % дополнительных расходов, связанных с введением тарифов, несет Китай; 93 % оплачиваются импортерами США и в конечном итоге передаются потребителям в виде более высоких цен [19, с. 148]. *Прим. автора: именно такие цифры в оригинале.*

В 2022 г. противостояние усилилось, и политизация решения глобальных экономических проблем продолжает накладывать транзакционные издержки на жителей развитых стран в виде роста цен и снижения уровня жизни. В своем выступлении в апреле 2022 г. министр финансов США Janet L. Yellen (Джанет Л. Йеле) заявила, что пандемия и война показали, что американские цепочки поставок, хотя и эффективны, но не являются ни безопасными, ни устойчивыми. Предостерегая от «полностью протекционистского курса», она сказала, что Соединенным Штатам следует работать над переориентацией своих торговых отношений на большую группу «надежных партнеров», даже если это будет означать несколько более высокие затраты для бизнеса и потребителей¹³. Вместо экономической конкуренции международное разделение труда все больше политизируется, приводя к дискриминации одних стран другими и все большей обособленности рынков. Почему?

США и страны ЕС явно проиграли КНР конкуренцию по издержкам. Проиграли с безнадежным отрывом. Экономически победить соперника и идущие за ним впоследствии страны BRICS не удастся. Отсюда – стремление обвинить главного конкурента в нечестности, навязать несправедливые ограничения в торговле. Один раз у США это сработало: во второй половине 80х гг. – Япония, сейчас с КНР – не очень.

Заключение

Коронавирусный кризис стал переломным моментом для международного разделения труда. Независимо от складывающейся сейчас геополитической ситуации, в долгосрочном периоде расширение применения новых технологий и искусственного интеллекта создает основу для международного разделения труда следующего уровня. Возобновляемая энергия заменит ископаемое топливо уже в начале 2030-х гг. Следовательно, для стран специализирующихся на экспорте сырьевых ресурсов, таких как Россия (Норвегия, Саудовская Аравия) нужно продумать план «Б» экономического развития, который позволит заменить выпадающие доходы бюджета. Каким должен быть план «Б» и кто должен быть его проводником в жизнь? Прежде всего, это должно быть преобразование рыночной экономики, ориентированной на развитие предпринимательства, возможности людей в бизнесе. Акцент на человека и на раскрытие потенциала россиян.

Пол Коллиер в своей книге «Будущее капитализма» определил смену парадигмы развития капитализма следующим образом: «Новый преуспевающий класс – это уже не капиталисты и не традиционные рабочие: это образованные люди, освоившие новые профессии. Они составили новый класс, члены которого, знакомясь друг с другом в университетах, выработали новое общее самосознание. Люди этой группы уважают знания и профессионализм... Сформировавшись в новый правящий класс, представители этого сословия доверяют государству и друг другу более, чем когда-либо прежде» [20].

Каким будет международное разделение труда в ближайшей и отдаленной перспективе? Ответственность за международное сотрудничество, по мнению Бракмана и др., при прочих равных условиях, вероятно, увеличится, что окажет понижающее давление на процесс глобализации производства, поскольку фирмы (и правительства) будут придавать большее значение географически более близким и более надежным производственным процессам [21]. Если рассматривать географически близкую нам Европу, то это будет означать переход от Азии к Восточной Европе [22]. Для фирм США это будет означать переход к построению вертикально-интегрированных компаний, что можно назвать «неофордизмом XXI века». Например, многонациональные автопроизводители строят собственные аккумуляторные заводы и даже инвестируют в шахты. В целом, страны «золотого миллиарда» постараются максимально за счет внедрения робототехники и программ искусственного интеллекта «вернуть» рабочие места, лишив их остальной мир. Этот тренд связан с тем, что пандемия, как COVID-19, создает сильный стимул для трудосберегающих технологических изменений [23]. Опасения следующего крупного внешнего шока подпитывают это, опираясь на стремление к экономии

¹³ Swanson A. Governments Tighten Grip on Global Food Stocks, Sending Prices Higher. New York Times. 2022. May 1.

труда, которое существовало и до пандемии с формирующимися рынками в форме цифровой или промышленной революции 4.0. Однако сохраняющаяся неопределенность на большинстве рынков и начавшаяся после окончания пандемии в странах Западной Европы, Австралии, Канаде, Израиле «охота» на молодых и квалифицированных иностранцев свидетельствует о стремлении сохранения использования дешевой рабочей силы вместо автоматизации производства.

В условиях новых вызовов экономике Российской Федерации следует перестраивать текущую отраслевую структуру народного хозяйства, учитывая выявленные ранее тренды, и ориентироваться, насколько это возможно, на успешный российский опыт. Как писал в «Воспоминаниях» С.Ю. Витте: «Какими же мерами, кроме искусственных, можно развивать промышленность? Все, что делают люди, это с известной точки зрения искусственно. Везде и всюду промышленность была развита искусственными мерами. Я же принимал меры искусственные, гораздо более слабые сравнительно с теми, которые для этой цели принимались и даже доньше принимают многие иностранные государства... Во время управления моего финансами (а в то время министр финансов был также министром торговли и промышленности) я твердо утроил нашу промышленность» [24, с. 504].

Развитие технологий ИИ в России нужно не только из-за отставания конкурентоспособности национальной экономики, но и из-за необходимости занятия выгодной позиции в Новом международном разделении труда. Это потребует совместных усилий бизнеса, общества и мер государственного регулирования. Вопрос здесь заключается в правильном выборе магистрального пути развития российского народного хозяйства. Наверно, нецелесообразно делать инвестиционный акцент на развитии «традиционных» отраслей экономики. По нашему мнению, более перспективным будет упор на прогресс комплекса отраслей, основанных на использовании искусственного интеллекта [25]. Это позволит решить несколько взаимосвязанных проблем. Прежде всего, независимое программное обеспечение обеспечит возможность свободного от других стран развития всех использующих его отраслей. Во-вторых, это позволит создать значительное число качественных рабочих мест, полностью реализовать потенциал россиян в образовании и сделает экономику РФ привлекательной для инвесторов. В-третьих, трудосберегающий характер новых технологий может позволить снизить зависимость развития народного хозяйства России от притока трудовых мигрантов. Кроме того, следует использовать из логики «метод доказательства от противного». Коринек и Стиглиц отмечали грядущую опасность. Прогресс в области искусственного интеллекта и связанных с ним форм автоматизации технологий угрожает свести на нет успехи, которые развивающиеся страны и страны с формирующимся рынком получили от интеграции в мировую экономику за последние полвека, усугубляя нищету и неравенство. Новые технологии имеют тенденцию быть трудосберегающими, ресурсосберегающими и порождать динамику «победитель получает все» (winner takes all), которая дает преимущество развитым странам [26].

Вместо прежнего «инерционного» пути развития, основанного на сырьевом экспорте, Российской Федерации необходимо идти по «инновационному» пути, основанному на становлении цифровой экономики. Движение в этом направлении потребует значительных инвестиций, перестройки национальной промышленной политики, системы образования и переподготовки персонала, государственного регулирования экономики, которые не дадут отдачу через несколько месяцев или через год. Однако именно «инновационный» путь развития позволит обеспечить устойчивое развитие народного хозяйства России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Coscia M., Neffke F.M., Hausmann R. Knowledge diffusion in the network of international business travel // *Nature Human Behavior*. 2020. Vol. 4. pp. 1011–1020.
2. Brakman S., Garretsen H., van Witteloostuijn A. Robots do not get the coronavirus: The COVID-19 pandemic and the international division of labor // *Journal of International Business Studies*. Vol. 52 (6). Pp. 1215–1224.
3. Kent P., Haralambides H. A perfect storm or an imperfect supply chain? The U.S. supply chain crisis // *Maritime Economics & Logistics*. 2022. Vol. 24. Iss. 1. pp. 1–8. URL: <https://doi.org/10.1057/s41278-022-00221-1> (дата обращения: 08.02.2022).
4. Sheffi Y. What everyone gets wrong about the never-ending COVID-19 supply chain crisis // *MIT Sloan Management Review*. 2021. Vol. 63. Iss. 1. pp. 1–5.
5. Mindell D. A. *Our Robots, Ourselves: Robotics and the Myths of Autonomy*. N Y: Viking, 2015. 272 p.
6. Лукичев П.М. Рынок труда будущего. СПб, 2021. 219 с.

7. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 года. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaja/item/22689548/> (дата обращения 21.01.2022).
8. World Bank. COVID-19 crisis through a migration lens (Migration and Development Brief. 2020. No. 32). Washington, D.C.: World Bank. p. Viii. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33634>
9. ИОМ. (2020). Migrants & global food supply (COVID-19 Analytical Snapshot No. 18). URL: <https://www.iom.int/migration-research/covid-19-analytical-snapshot> (дата обращения: 08.02.2022).
10. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO). (2020, April 7). Migrant workers and the COVID-19 pandemic [Brief]. URL: <http://www.fao.org/documents/card/en/c/ca8559en/> (дата обращения: 08.02.2022).
11. Galindo-Martín MÁ, Castaño-Martínez MS, Méndez-Picazo MT. Effects of the pandemic crisis on entrepreneurship and sustainable development // Journal of Business Research. 2021. Vol. 137. Pp. 345–353.
12. World Bank. 2020b. The Human Capital Index 2020 Update: Human Capital in the Time of COVID-19. World Bank, Washington, DC. World Bank. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/34432> License: CC BY 3.0 IGO. URL: <http://hdl.handle.net/10986/34432> (дата обращения: 08.02.2022).
13. Бюллетень «Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2020 года» // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_111/Main.htm (дата обращения: 08.02.2022).
14. Pérez-Sánchez L., Velasco-Fernández R., Giampietro M. The international division of labor and embodied working time in trade for the US, the EU and China // Ecological Economics. 2021. Vol. 180. 106909.
15. Rodrik D. Premature deindustrialization // Journal of economic growth. 2016. Vol. 21, no. 1. pp. 1–33.
16. Шумпетер Й.А. Капитализм, Социализм и Демократия / Пер. с англ., Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. М.: Экономика, 1995. 540 с.
17. Manyika J., Spence M. A Better Boom // Foreign Affairs. 2021. July/August. pp. 107–117.
18. Boz E., Gopinath G., Plagborg-Møller M. Global trade and the dollar (No. w23988). National Bureau of Economic Research. 2017.
19. Drezner D. W. The United States of Sanctions // Foreign Affairs. 2021. Vol. 100. No. 5. P. 142–154.
20. Коллиер П. Будущее капитализма. Москва: Издательство Института Гайдара, 2021. 376 с.
21. Brakman S., Garretsen H., van Witteloostuijn A. The turn from just-in-time to just-in-case globalization in and after times of COVID-19: An essay on the risk re-appraisal of borders and buffers // Social Sciences & Humanities Open. 2020. Vol. 2 (1). P. 1–6.
22. Javorcik B. (2020). Global supply chains will not be the same in the post-COVID-19 world. Chapter 8 in R. Baldwin and S. Evenett (Eds). COVID-19 and trade policy: Why turning inward won't work. A VoxEU.org eBook. London: CEPR.
23. Seric A., Winkler D. 2020. COVID-19 could spur automation and reverse globalization to some extent. VOX EU, April 28: <https://voxeu.org/article/covid-19-could-spur-automation-and-reverse-globalisation-some-extent>
24. Витте С.Ю. Воспоминания. Т.2. М.: Соцэкгиз, 1960. 639 с.
25. Лукичев П.М., Чекмарев О.П. Экономика искусственного интеллекта и концепция «Принципал – Агент» // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 2. С. 1069-1082.
26. Korinek A., Stiglitz J. E. Artificial intelligence, globalization, and strategies for economic development. // National Bureau of Economic Research. 2021. №. w28453. 41 p.

Поступила в редакцию 05.09.2022

Лукичев Павел Михайлович, доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры менеджмент организации Р1
ФГБОУ ВПО «Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова»
190005, Россия, г. Санкт-Петербург, 1 Красноармейская ул., 1
E-mail: komdep@bstu.spb.su

P.M. Lukichev

NEW INTERNATIONAL DIVISION OF LABOR AND RUSSIA'S POSITION IN IT

DOI: 10.35634/2412-9593-2022-32-5-817-828

The COVID-19 pandemic and the subsequent politicization of the solution of economic problems have created a new economic reality. This article is devoted to the consideration of the possibilities and problems of the formation of a new international division of labor. The scientific and practical works of Russian and foreign scientists in the field of the international division of labor and global trade were used as the methodological basis of the study. The division in the analysis into the short term and the long term is necessary to study the sequence of steps in the formation of a new

international division of labor. The author identifies the following manifestations of the new international division of labor: the crisis of "supply chains", the deformation of the global and national labor markets, the politicization of the solution of economic issues at the international level, the significant lag of economic theory from real business processes, the impact of climate change on the formation of a new international division of labor and the transition from a "free trade" policy to a "fair trade" policy. The "supply chain" crisis has shown that the order of supply in international trade, based on the "just in time" system, could not withstand the external shock, causing shortages and inflation. The deformation of labor markets is manifested in COVID-motivated automation, in the "migration trap", in the increased polarization of employment. The countries of the "golden billion", having been defeated in competition in the global market, are striving for a political solution to economic problems. The EU is trying to play the game of European super monopoly and super monopsony. The possibility of a political solution to the problems of global economic competition is based on the fact that changes in the real economy that have taken place in recent decades have not adequately changed the international financial sphere. Regardless of the current geopolitical situation, in the long term, the expansion of the use of new technologies and artificial intelligence creates the basis for the international division of labor of the next level. To maintain and potentially improve its place in the international division of labor of the Russian Federation, a consistent transition from the "inertial" to the "innovative" path of development is necessary.

Keywords: international division of labor, COVID-19 pandemic, supply chain crisis, labor market, artificial intelligence economics, human potential, monopsony, Witte S.Yu.

Received 05.09.2022

Lukichev P.M., Doctor of Economics, Professor at Department of "Management of the organization"
Baltic State Technical University "Voenmech" named after D.F. Ustinov
1ya Krasnoarmeyskaya st., 1, Saint Petersburg, Russia, 190005
E-mail: komdep@bstu.spb.su